

Герман Гессе О ЧТЕНИИ КНИГ

Разрабатывать типы и делить на них человечество - врожденная потребность нашего духа. Потребность в типологической систематизации можно проследить от "характеров" Теофраста и четырех темпераментов наших дедов до самой современной психологии. Но и бессознательно каждый человек делит людей своего окружения на типы по сходству с характерами, которые приобрели для него важность еще в детстве. Однако какими бы полезными и поучительными такие типологические разделения ни были, остаются ли они достоянием личного опыта или претендуют на научную формулировку, порою бывает нужно и важно сделать все же иное, поперечное, сечение через царство опыта и увидеть, что каждый человек объединяет в себе черты всех типов и что различные характеры и темпераменты могут быть обнаружены как сменяющие друг друга состояния также и в пределах одной- единственной личности.

Выдвигая в дальнейшем три типа или точнее, три уровня книжного чтения, я тем самым отнюдь не считаю, что на эти три порядка разделяется и весь читательский мир, что один человек относится к одной, а другой - к другой группе. Я убежден, что каждый из нас временами входит в одну, а временами в другую группу.

Возьмем для начала наивного читателя. Каждый из нас читает порою наивно. Такой читатель поглощает книгу, как еду, он только потребитель, он наедается и напивается, как мальчик - книгами об индейцах, как горничная - романами о графинях или студент - Шопенгауэром. Такой читатель ведет себя по отношению к книгам не как личность по отношению к личности, а как лошадь по отношению к яслям или как та же лошадь по отношению к кучеру: книга ведет, читатель за нею следует. Содержание книги воспринимается объективно, признается за действительно существующее. Но не только содержание! Есть и образованные, даже рафинированные читатели, и именно художественной литературы, которые полностью относятся к классу наивных. Они, правда, не застревают на содержании и оценивают роман, например, не по количеству приключившихся в нем смертей или свадеб, но вовлекают в оценку и самого писателя, воспринимая эстетическое послание книги совершенно опредмеченно, наслаждаясь вместе с писателем всеми извивами его фантазии, полностью вживаясь в позицию, занятую писателем по отношению к миру, и всецело принимая все толкования, которые сам писатель преподносит как вымышленные. То, что для простодушных представляется содержанием, средой и действием, для таких культурных читателей - искусство, язык, образованность, духовность писателя, принимаемые ими за нечто объективное, за конечную и высшую ценность литературы, подобно тому, как фактической ценностью, реальностью являются для юных читателей подвиги Олд-Шэттерхэнда, описанные Карлом Маем.

В своем отношении к чтению этот наивный читатель вообще не личность, не он сам. События романа он оценивает по их напряженности, степени опасности, эротичности, изощренности или обедненности или оценивает самого писателя, измеряя его достижения масштабами того или иного эстетического воззрения, которое в конечном счете всегда является той или иной конвенцией. Такой читатель ничтоже сумняшеся считает, что назначение книги заключается единственно в том и только в том, чтобы добросовестно и внимательно быть прочитанной и оцененной по своему содержанию или форме. Так же, как он усматривает назначение хлеба в том, чтобы его съесть, а назначение кровати в том, чтобы на ней спать.

Но по отношению ко всем вещам на свете, а значит и по отношению к книге, можно занимать совершенно иную позицию. Следуя своей природе, а не образованию, человек становится порою ребенком и начинает играть вещами - хлеб становится у него горой, в которой он пробивает туннель, а кровать - пещерой, садом, заснеженным полем. Кое-что от этой детскости и этого гения игры присуще второму типу читателя. Этот читатель не ценит ни содержание, ни форму произведения как единственные и важнейшие ценности. Этот читатель знает, как знают все дети, что смысл каждой вещи может заключать и десять, и сто значений. Этот читатель может, например, наблюдать, как писатель или философ стараются внушить себе и читателям свое толкование и оценку вещей, наблюдать, посмеиваясь и усматривая в кажущемся произволе и свободе писателя лишь вынужденность и зависимость. Этот читатель очень осведомлен: он знает истину, обычно совершенно неизвестную профессорам литературы и литературным критикам, - что свободный выбор содержания и формы есть чистая фикция. Как бы историки литературы ни доказывали, что Шиллер избрал такой-то год и такое-то содержание и решил облечь их в пятистопный ямб, читатель хорошо знает, что никакой свободы выбора содержания или там ямба у поэта быть не может, и он находит удовольствие не в том, чтобы следить за содержанием во власти поэта, а в том, чтобы следить за поэтом во власти содержания. С подобной точки зрения так называемые эстетические ценности почти совершенно пропадают, и наибольшую прелесть и ценность начинают представлять только промахи и нечеткости. Так как этот читатель идет за писателем не как лошадь за конюхом, а как охотник - по следу, и внезапно найденный вид за кулисы, где свобода писателя оказывается мнимой, зрелище принужденности и беспомощности писателя могут привести его в восторг куда больший, чем все прелести хорошей техники и искусного владения языком.

На этом пути, еще одной ступенью выше, мы обнаруживаем третий и последний тип читателя. Еще раз подчеркиваю, что ни один из нас не относится ни к одному из этих типов постоянно, что каждый может относиться сегодня ко второму, завтра - к третьему, а послезавтра вновь к первому типу. Так вот о третьем и последнем типе. На первый взгляд он полная противоположность того, что называют обычно "хорошим читателем". Этот третий читатель - личность настолько выраженная, настолько осознающая себя, что совершенно свободно противопоставляет себя объекту чтения. Такой читатель не желает ни образовываться, ни развлекаться, а пользуется книгой как любимым предметом на свете, она для него - всего лишь исходная точка и генератор идей. Ему, в сущности, безразлично, что читать. Философа он читает не для того, чтобы ему верить, усваивать его учение и не для того, чтобы это учение атаковать и критиковать; писателя он читает не для того, чтобы с его помощью понять мир. Он все понимает сам. Он, если угодно, совершенное дитя. Он всем играет, и с определенной точки зрения нет ничего плодотворней и полезней, чем игра со всем и вся. Если этот читатель обнаружит в книге отличное высказывание, мудрость, истину, то поначалу он для пробы это высказывание перевернет. Он давно знает, что истинна и противоположность всякой истины. Он давно знает, что каждая духовная точка зрения - полюс, у которого есть равноценный противоположный полюс. Ребенок он и тогда, когда высоко ценит ассоциативное мышление; но только ему известное и другое мышление. И этот читатель, более того - каждый из нас, может читать с такой точки зрения все, что угодно: роман, грамматику, транспортное расписание, типографскую корректуру. В момент, когда наша фантазия и ассоциативная способность переживают кульминацию, мы читаем уже совсем не то, что видим перед собой на бумаге, а плывем в потоке стимулов и идей, почерпнутых нами из прочитанного. Они могут быть почерпнуты из текста, но могут быть внушены и только шрифтом. Может оказаться откровением объявление в газете. Может возникнуть счастливейшая и убедительнейшая мысль из абсолютно любого слова, которое мы переворачиваем, буквами которого играем как кубиками. Сказку о Красной Шапочке можно читать в таком состоянии, как какую-нибудь космогонию, или философию, или как яркое эротическое сочинение. Можно даже прочесть на сигарной коробке "Colorado maduro" и, играя буквами и созвучиями, проделать путешествие через сотню областей знания, воспоминаний и мышления.

Но мне могут возразить - разве это чтение? Разве человек, прочитывающий страницу из Гёте, не обращая внимания на его интенции и идеи, как объявление или как случайную мешанину букв, вообще читатель? Разве тот уровень чтения, который ты называешь третьим и последним, не самый низкий, самый детский и самый варварский? Где же для такого читателя музыка Гёльдерлина, страстность Ленау, воля Стендаля, широта Шекспира? Возражение правильное. Читатель третьего типа - более не читатель. Человек, относящийся к нему длительное время, вскоре перестал бы читать вообще, ибо рисунок ковра или расположение камней в кладке представляли бы для него ценность точно такую же, как красивейшая страница, полная букв, расположенных в наилучшем порядке. Единственной книгой стал бы для него лист с буквами алфавита.

Так оно и есть: читатель последнего типа больше не читатель. Ему наплевать на Гёте. Не нужен ему и Шекспир. Читатель последнего типа не читает. Зачем вообще книги? Разве он сам не заключает в себе целого мира?

Кто застрял бы на этом уровне, действительно не стал бы больше читать ничего. Но на этом уровне никто не остается подолгу. Однако тот, кто вообще не знает этого уровня, все же плохой, незрелый читатель. Ведь он не знает, что вся поэзия и вся философия мира заключена в нем самом, что даже самые великие писатели черпали из источника, не отличающегося от того, который имеется в каждом из нас. Если ты в жизни хоть раз, час, день побудешь на третьем уровне, на уровне, где нет больше чтения, то по возвращении (а оно дается так легко!) ты станешь читателем еще лучшим, еще лучшим слушателем и толкователем всего написанного. Постой хоть один-единственный раз на уровне, на котором придорожный камень значит для тебя не больше, чем Гёте и Толстой, и после этого ты извлечешь из Гёте, Толстого и всех писателей бесконечно больше ценностей, нектара и меда, утверждения жизни и тебя самого, чем это удавалось тебе когда-либо раньше. Так как произведения Гёте не суть сам Гёте, и тома Достоевского не суть сам Достоевский, они лишь их попытка, их сомнительная и никогда не доведенная до цели попытка подчинить себе тот многоголосый, многозначный мир, центром которого они были.

Попытайся-ка один-единственный раз зафиксировать небольшую вереницу мыслей в том виде, в каком она протекает в тебе во время прогулки. Или на первый взгляд легкий, простой сон, приснившийся тебе ночью! Тебе снилось, будто какой-то человек сначала угрожал тебе палкой, а потом наградил тебя орденом. Но что это был за человек? Припоминая, ты находишь в нем черты твоего друга, твоего отца, но в нем было и что-то другое, женское, было в нем что-то, неизвестно каким образом напоминавшее тебе сестру, любимую женщину. И его палка, которой он тебе угрожал, была с одного конца загнута, что напоминает тебе палку, с которой ты еще в школьные годы пешком совершил свое первое путешествие, и тут обступают тебя сотни тысяч воспоминаний, и если ты захочешь закрепить, записать содержание этого простого сна, записать его стенографически или тезисно, то, еще не доходя до ордена, у тебя получится целая книга, или две, или десять. Потому что сон - это скважина, через которую ты заглядываешь в содержание своей души, а это содержание - целый мир, не больший и не меньший, чем мир от твоего рождения до нынешнего дня, от Гомера до Генриха Манна, от Японии до Гибралтара, от Сириуса до Земли, от Красной Шапочки до Бергсона. И как твоя попытка записать сон относится к миру из сновидения, так произведения автора относятся к тому, что он хотел сказать.

Вторую часть "Фауста" Гёте ученые и любители объясняли почти сотню лет и давали прекраснейшие и глупейшие, глубочайшие и банальнейшие толкования. Но эта "сверхдетерминированность символов", как выражается современная психология, эта безымянная многозначность есть в каждом литературном произведении в завуалированной, скрытой под поверхностью форме. Не познав ее хоть один-единственный раз во всей бесконечной полноте и необъяснимости, по отношению к писателю и мыслителю ты будешь ограничен, будешь принимать за целое то, что лишь малая часть его, верить толкованиям, которые едва ли справедливы даже с виду.

Странствия по трем читательским уровням, как само собою разумеется, бывают у каждого человека и в каждой области. Те же три уровня с тысячью промежуточных уровней ты можешь занимать по отношению к живописи, зоологии, истории. И повсюду третья ступень, на которой ты более всего являешься самим собою, будет устранять чтение, разрушать литературу, искусство, всемирную историю. И все же, не имея понятия об этой ступени, все книги, все науки, все искусства ты будешь читать только так, как школьник читает грамматику.

Герман Гессе, 1920

Материал с сайта <http://www.hesse.ru/books/story/?story=40&page=1>